

Православные священники в русской императорской армии в годы Первой мировой войны

Первая мировая была встречена в российском обществе небывалым патриотическим подъемом. Уже в августе 1914 г. в публичном пространстве доминирующей стала ее интерпретация как «народной», а различные общественные группы стремились продемонстрировать собственный вклад в будущую победу. Православная церковь не осталась в стороне. В символическом пространстве того времени ей отводилась роль помощника сражающейся армии.

В тылу задача приходов и монастырей заключалась в сборе средств на нужды войск (например, проводились кружечные сборы для нужд Российского общества Красного Креста (РОКК)¹, обустройстве лазаретов, призрении раненых и увечных воинов, а также членов семей погибших². В конце июля 1914 г. Синод принял решение направить во все госпитали РОКК по одному иеромонаху³. Церковь брала на себя значительные социальные обязательства, что делали одновременно и различные общественные организации. Все эти усилия активно фиксировались в публичном пространстве, каждая сторона увеличивала «символический капитал» (в терминологии социолога П. Бурдьё), который мог иметь важное политическое значение после победоносного завершения войны. Это приводило к политизации благотворительной деятельности: например, в конце августа 1914 г. близкая к кадетам газета «Утро России» выдвинула обвинение, что «монастыри наши в нынешнюю войну, как и в русско-японскую, сравнительно слабо отозвались на тяжелое положение, переживаемое отечеством, и сделанное ими для помощи раненым далеко не соответствует их богатствам»⁴. В дальнейшем развернулась целая полемика, в которой церковные иерархи (и прежде всего, митрополит Московский и Коломенский Макарий) пытались опровергнуть обвинения⁵.

Однако роль православной церкви не сводилась только к благотворительности: многие священники находились непо-

средственно в армии. В образе героев, сформированном в публичном пространстве, мы находим и фигуру православного священника. Как и остальные, он наделен беззаветной храбростью и готовностью к самопожертвованию. Его подвиг тоже демонстрирует превосходство человеческого духа над всеми сложностями военной действительности. Причем особенность героизма состояла именно в его добровольности. Общий же тезис, характерный для публицистики того времени, об особой духовности русского воинства делал фигуру священника неотъемлемой частью представления о фронтовой жизни.

Именно такими героями предстают священники, которые не покидают паству, несмотря на приближение противника: о. И. Улович, ведший службу под артиллерийским обстрелом противника⁶ или же о. В. Козловский, оставшийся в своем приходе даже после оккупации его австрийцами⁷. Герои – это те, кто напутствует воинов непосредственно в окопах, появляется на передовой в самый тяжелый момент, воодушевляет солдат (например, о. И. Терлицкий)⁸ или самостоятельно ведет их в бой (как о. А. Турукаевский)⁹, попадая в окружение (как о. Парфений Холодный, который пошел с иконой в руках к наступающим австрийцам и убедил их сдать в плен)¹⁰.

Однако каким же образом ситуация с военными священниками обстоит на самом деле? Во главе них стоял протопресвитер военного и морского духовенства (назначался Синодом и утверждался императором). В годы Первой мировой им был о. Георгий Шавельский (занимал эту должность с 1911 г.). На 1913 г. в его ведомстве находилось 676 храмов и 730 священников¹¹. С началом военных действий их численность увеличивалась: на середину 1915 г. она дошла до 1800 священнослужителей,¹² а на конец войны – до 3700, из которых 700 были постоянного состава и около 3000 привлечены из епархий¹³.

С началом Великой войны о. Георгий находился при Ставке Верховного главнокомандующего, что повышало административный статус протопресвитера. Он также получил право присутствия в Военном совете¹⁴, а с осени 1915 г. – в Синоде. О. Георгий активно работал по расширению полномочий своего ведомства. При нем выросло количество гарнизонных благочинных и благочинных запасных госпиталей, в 1916 г. появились армейские проповедники и главные священники Балтийского и Черноморского флотов. Более того, в феврале 1916 г.

главные священники армий фронтов из ведомства канцелярий фронтов перешли в состав штабов главнокомандующих¹⁵.

Однако усиление в рамках военно-административной иерархии не стоит смешивать с положением священников непосредственно на фронте, которое не выглядело столь однозначным. С одной стороны, полковые начальники нередко вмешивались в деятельность священнослужителей, не признавая их независимого характера. С другой – последние не всегда могли найти общий язык с солдатами, попросту опасаясь постоянно пребывать в зоне огня противника. В некоторых случаях обилие работы требовало видоизменять традиционные религиозные практики, выхолащивая их метафизический смысл. Например, в Новогеоргиевской крепости священник проводил коллективные исповеди: он зачитывал название греха, солдаты отвечали «грешен», а затем грехи отпускали всем разом¹⁶. Отдельной проблемой стал низкий уровень образования многих представителей церкви¹⁷. Неудивительно, что зачастую их место оказывалось в обозах второго разряда и всевозможных штабах и госпиталях, что резким образом расходилось с требованием быть помощниками сражающейся армии и лишало законности фигуру священника в глазах солдат¹⁸.

На фронте деятельность священнослужителей заключалась в отправлении религиозных обрядов, сборе пожертвований, просветительской работе (организация библиотек, чтений, «духовных» бесед и пр.), уходе за ранеными, а также учете и погребении погибших. Ключевой являлась идеологическая функция, связанная с поддержанием высокого боевого духа посредством служения «молитвой и словом наставления, ободрения и утешения», как писал в одном из приказов о. Г. Шавельский¹⁹. Усиление религиозно-мистических настроений у фронтовиков создавало благоприятную почву, однако этот фактор использовать в полной мере не удалось²⁰.

Православная церковь и ее публицисты развивали общий тезис об оборонительном характере войны, предложив религиозную интерпретацию, в которой православие выступало как механизм коллективной самоидентификации. Теперь конфликт представлялся как противостояние православной Руси (ее народа-богоносца) и германцев – «приспешников Сатаны»: «Они воюют за человека против зверя, за человеческое право против звериной силы», – писал Н. Гринякин²¹. Германцы обвинялись в

«грязном и развращающем» материализме, их клеймили «каинитами». Именно такими были враги Святой Руси – оплота духовности²². Сама война нередко представлялась в качестве суда Божьего, что лишний раз подчеркивало эпохальность момента.

Сформулированная религиозная метафизика не смогла создать устойчивых смыслов ведения войны для простого солдата. Порою она представляла «язык», на котором малограмотные солдаты-крестьяне описывали происходящие события на предельно абстрактном уровне. Другими словами, «приземлить» православный дискурс не удалось.

Неудивительно, что в одном из приказов начала 1915 г. о. Георгий говорил вовсе о другом. Констатируя общий упадок боевого духа, он объяснял его внешними причинами (неумением запасных воспринять «вековые традиции» своих частей, революционной пропагандой, дурными примерами других солдат, слухами о скором мире и недостатком сильного нравственного влияния). Потому в его рекомендациях предлагалось сделать упор на две ключевые идеи: безбожие и жестокость противника, а также те наказания («божественные» и административные), которые обрушатся на тех, кто не будет выполнять свой долг²³. Тем самым акцент был сделан на «негативных смыслах», вызывающих к страху, нежели на «позитивных», что все больше превращало священников в простых пропагандистов.

Безусловно, участие в богослужениях (как повседневных, так и праздничных, особенно на Рождество и Пасху) имело, говоря современным языком, «терапевтическое значение»: оно позволяло фронтовым солдатам и офицерам снять психическое напряжение, хотя бы на время отрешиться от тяжестей тотальной войны посредством обращения к привычным религиозным практикам. Однако это не означало достижения идеологических целей, которые преследовало начальство. Тот факт, что именно на Пасху 1916 г. в русской армии произошли массовые братания, ярко свидетельствует: религиозность простых солдат вовсе не находилась под контролем священников. В приказе от 30 мая (5 июня) 1916 г. протопресвитер признавал: «Надо сознаться: мы не умеем говорить проповеди. Наши проповеди бывают по большей части сухи, безжизненны, схоластичны. Они чаще вызывают у слушателей осуждение, чем благодарность». А потому призывал: «Мы теперь должны разъяснить не столько догматы веры, сколько догматы боевой жизни и боевой работы: учить

долгу, разумному труду, самоотверженному служению, предостерегать от позора (сдачи в плен и т.п.), наставлять, ободрять, утешать, поддерживать в воинах веру в нашу правду, в мощь России, в самих себя»²⁴. Решение же этого сложного вопроса, не сводящегося лишь к пропаганде, каждый священник искал самостоятельно.

Среди тех, кто наиболее доблестно выполнял свои обязанности, можно назвать протоиерея 7-го Финляндского полка о. Сергия Соколовского, который был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В приказе протопресвитера указывалось: «В течение семи месяцев войны в 1915 г. о. Соколовский постоянно находился в самых опасных пунктах боя, в непосредственной близости к находящимся в бою ротам своего полка, являя собой пример паразитического бесстрашия и самообладания»²⁵. Так, в одном бою он вытащил с поля боя раненого офицера²⁶, а в марте 1915 г. организовал вылазку по разрушению проволочных заграждений²⁷.

Можно выделить и священника 6-го тылового этапа (позднее – Жмеринского распределительного пункта) о. Константина Стешенко, который вступил в должность 5 ноября 1915 г. Он постоянно проводил беседы и напутствия, узнавал о желаниях нижних чинов и заявлял о них этапному коменданту. Пастырская работа велась и в казармах проходящих частей, и на гауптвахтах. В одной из казарм он создал храм, а в другой – синематограф. Вместе с представителями интеллигенции организовывал лекции, чтения, литературные вечера. Всего за год было проведено 468 бесед, лекций и поучений, а также 66 чтений. Из 381430 солдат и офицеров, прошедших этот пункт, их посетили около 215 тыс. чел., свыше 200 тыс. чел. были в храме²⁸.

Таким образом, РПЦ предложила собственную интерпретацию начавшейся войны в рамках православного дискурса, который предлагал весьма абстрактный «язык» религиозного описания конфликта, которого оказалось недостаточно для создания устойчивых смыслов ведения войны. Несомненно, церковь являлась одним из ключевых институтов, занимавшихся благотворительностью, однако на театре военных действий выполнить возложенные идеологические задачи не смогла, несмотря на повышенную религиозность фронтовиков и усиление ведомства протопресвитера в военно-административной иерархии. Конечно, отправление религиозных обрядов имело «терапевтическое значение» в условиях тотальной индустриальной войны, однако

это не делало пропаганду успешной. Свидетельством являются если не приведенные выше слова самого о. Г. Шавельского, то сами революционные события 1917 г.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1096. Л. 154 об.

² *Суглобов Г.А.* Союз креста и меча. М., 1969. С. 34.

³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1096. Л. 161.

⁴ Монастыри и церкви – для раненых // Утро России. 23 августа 1914 г.

⁵ На помощь раненым! // Утро России. 26 августа 1914 г.; От военно-благотворительной комиссии московского духовенства // Утро России. 2 сентября 1914 г.; Лазареты монастырей и церквей // Утро России. 7 сентября 1914 г.; Помощь раненым. Наши монастыри // Утро России. 16 сентября 1914 г.

⁶ Подвиг священника // Утро России. 3 октября 1914 г.

⁷ Награды священникам // Московские ведомости. 1 октября 1914 г.

⁸ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 1. С. 32.

⁹ О герое-священнике А. Турукаевском (со слов прапорщика Сироткина) // Биржевые ведомости. 28 июня 1915 г.

¹⁰ Подвиг священника Холодного // Московские ведомости. 8 ноября 1914 г.

¹¹ *Фирсов С.Л.* Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны // Новый Часовой. По страницам русского военно-исторического журнала. СПб. – Калининград, 2013. С. 12.

¹² В ставке Верховного Главнокомандующего // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 11–12. С. 347.

¹³ *Чимаров С.Ю.* Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999. С. 173.

¹⁴ *Капков К.Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 39.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.

¹⁶ *Герасимов М.Н.* Пробуждение. М., 1965. С. 89–90.

¹⁷ *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 580.

¹⁸ Там же. С. 585–586.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁰ Там же. Ф. 2206. Оп. 1. Д. 396. Л. 686.

²¹ *Гринякин Н.* Мировая война за мир и свободу. Пг., 1914. С. 4.

²² *Введенский Д.* Кровь брата. Сергиев Посад, 1915. С. 9.

²³ РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3об. Как пример реализации в 45-й дивизии, см.: Там же. Ф. 2206. Оп. 1. Д. 396. Л. 686.

²⁴ Там же. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

- ²⁵ Кавалеры Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 г. М., 2008. С. 435.
- ²⁶ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 10. С. 307–308.
- ²⁷ *Агафонов Н.* Ратные подвиги православного духовенства. М., 2013. С. 160.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.